

АНДРИС
КОЛБЕРГС

ТРИ ДНЯ НА РАЗМЫШЛЕНИЕ
**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Андрис Колбергс

Три дня на размышление

«Алисторус»

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Колбергс А. Л.

Три дня на размышление / А. Л. Колбергс — «Алисторус»,
— (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-370-2

Андрис Леонидович Колбергс (1938–2021) — признанный классик отечественного детектива, самый популярный писатель советской Прибалтики. Рига — столица Латвийской ССР — была средоточием шпионажа и криминала. Красивый город на Балтийском море привлекал ароматом сладкой жизни и соблазнами нетрудовых доходов. Здесь, в криминальном подполье, крутились большие деньги, а воротилы черного бизнеса держали связь с иностранными шпионами. Недаром в СССР так любили прибалтийские детективы, которые и сегодня привлекают захватывающими сюжетами и ароматом ретро. Оторваться от этого романа невозможно. Мы и сопереживаем его героям, и ненавидим их. Это поединок милиции и криминала. Кто кого перехитрит? Роман заинтересует всех поклонников ретро-детектива.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-370-2

© Колбергс А. Л.
© Алисторус

Содержание

Пролог	6
1	9
2	12
3	16
4	20
5	24
6	33
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрис Колбергс

Три дня на размышление

© Колбергс А. Л., правообладатели 2026

© Семенова В. А., перевод, правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Пролог

Этот дом заложил отец Людвига еще четверть века назад. Тогда мир только что начал приходить в себя после войны, и частным застройщикам нарезали земельные участки не по нынешнему принципу – шесть соток и ни пяди сверх того. Тогда человек приглядывал подходящее место, столбил участок – вбивал по углам колышки с фанерками – и писал на них химическим карандашом: «Калнынь», «Тяутис» или «Страпцукан». И дело было сделано. Почти что сделано, потому что все быстро оформлялось в исполнительном комитете – желающих получить надел почитай что не было. А здесь, километрах в двадцати от Риги, желающих не было вовсе: по тогдашним понятиям, Дони были так же далеко, как Тукум или Лигатне. Раньше, когда за надел приходилось платить звонкой монетой, люди, экономя на всем, копили серебряные латы, чтобы купить землю, а как только стали давать бесплатно, никто не захотел брать: не хватало людям ощущения, что они владеют реальной ценностью. Да, о пяточках за ВЭФом еще стоило подумать: почва там жирная, чернозем. А кому нужен донский белый песок? На нем ни картошка не вырастет, ни морковка, ни свекла, может, только спаржа пойдет, да и то если навоз станешь тачками возить. И как вообще до этих Доней добираться? В такую даль! Сперва шестым трамваем до конца, – а шестой ходил тогда по одной колее и почти на каждой остановке сворачивал на запаску и дожидался, пока пройдет встречный, – а потом еще полтора часа пароходиком. Ну, да! Летом – пароходиком, а зимой? На лыжах? Нет уж! Благодарю покорно!

У Римши, Людвигова отца, был старый «Москвич», который в годы своей юности бегал в два раза медленнее, чем теперешние «Жигули». Зато по грязище он катил, как по нормальной проезжей дороге. Еще у Римши был сынишка. Сынишка день-деньской играл в «классы» на тротуаре или удирал от дворника, которому во что бы то ни стало надо было стирать эти нарисованные мелом клетки. Еще у Людвигова отца была болезненная жена и семейный огороδικ возле ипподрома, где он в свободное время занимался селекцией разных сортов яблонь, хотя окрестные мальчишки успевали ободрать все яблоки до того, как они созреют. Еще у него были удочка и поплавки, неприязнь к толчее и тяга к природе. Эта тяга тайно гнездится в большей части крестьян, которые, переехав на жительство в город, будто бы даже и попривыкли там, и зарабатывают хорошо по сравнению со своими односельчанами. Все же он отправился в Дони словно шутки ради – чертовски далеко! Но ведь может человек позволить себе хоть одну экскурсию? В гофрированную коробку от противогаса он насыпал мыльный камень, в надежде выменять на него сала или яиц, и поехал.

От шоссе ответвлялась едва приметная паршивая дорога. На редкость паршивая. Песок и еловые корни.

Позже отец Людвига узнал, что автомобили никогда еще по ней не ездили, и вела она к дальнему хутору, где обитали двое одиноких стариков. Единственным их транспортом была лошадь. Если налетал восточный ветер, то гулками вечерами можно было услышать ржание, и поэтому Людвигов отец так описывал своим коллегам место нахождения своего будущего дома:

– Ближайшие соседи на расстоянии ржания.

Дорога была такая паршивая, что он давно бы погнал «Москвич» обратно в город, да только развернуться негде было. Он проехал с километр, когда лес внезапно кончился, и автомобиль выкатил на лужок у озера.

Светлое, с белопесчаным дном лежало перед ним Белое озеро. И синее, синее небо, а на нем ни одного щупальца дыма. Мальчик подбежал к самой воде и принялся собирать ракушки, намытые волной на берег.

– Искупаться надо бы, – сказал отец, глядя на озеро.

Подальше от берега темнели заросли тростника, высохшие головки терлись друг о друга. В оконцах среди зарослей у самой поверхности воды играли красноперки, закручивая хвостами маленькие водовороты.

Он снял рубашку, брюки, скинул сандалеты, потом, минутку подумав, бросил на траву плавки и голышом вошел в озеро. Погрузив лицо в воду, он открыл глаза. Водоросли возвышались, как небоскребы, а между ними висел угрюмый ерш, вращая круглыми, хитрыми глазами. Передние плавники его медленно шевелились.

Была бы лодка, поставил бы перемет на угрей, подумал он. И ему представилось раннее утро... Солнце еще не взошло, и над озером перекатываются алые клубки тумана, а он проверяет перемет. Он слышит, как окуни бьют по бечевке, видит у самой поверхности воды белое брюхо угря, в отчаянье выписывающего восьмерки, видит лещей, висящих, как поплавки, и попавшего на крючок упрямого линя, засунувшего голову в ил.

На берегу он видит дом. Белый, двухэтажный, с еще одним – подземным – этажом, где размещаются гараж, погреб и кочегарка. У мостков покачиваются на воде серебристая моторка и простая лодка для рыбной ловли. А вокруг дома раскинулся яблоневый сад с теплицей посередине.

Да, он знал до мелочей, каким будет дом. Он видел такой на берегу Киш-озера.

Тогда он был учеником, жалованье получал грошовое, ученическое, и должен был сам о себе заботиться. За пять латов в месяц он снимал неотапливаемую летнюю комнатенку в Межапарке. Он снимал ее с октября по май, потому что в мае хозяин сдавал ее дачникам. С ужасом читал он прогнозы синоптиков, предвещавших зимние холода, а по вечерам всеми силами старался оттянуть момент, когда надо будет раздеваться и лезть в постель, потому что комната настывала так, что простыни казались не накрахмаленными, а замерзшими. Поэтому дом владельца магазина Гуре, где полы были устланы мягкими коврами, казался ему сказочным дворцом – теплым и тихим. Они с мастером меняли там электропроводку. И в мечтах он строил для себя точно такой же дом, только еще теплее. И ездил на таком же «Рено», только большем, и жену такую же взял себе, только еще красивее.

Ополоснувшись, он побрел к берегу. Жена в купальнике, с развевающимися волосами, ловила сына – мальчишка, подымая тучи брызг, носился по мелководью.

– Дом мы назовем «Людвиги», – сказал Римша, усевшись на подножку машины.

– Глупый! Я вовсе не собираюсь заделаться дикаркой!

– Через двадцать лет шалаш на робинзоновом острове будет стоять дороже семикомнатной квартиры в центре Нью-Йорка.

– Не дури! Если уж ты свихнулся на этом доме, поговори с дядей и получи участок хотя бы возле Тейки. Почему ты не хочешь поступать, как все?

– Куда идут все, там скоро становится тесно.

– Но уж здесь-то я жить не стану!

Станешь, подумал он. Я стану, и ты станешь. Вынув из багажника топорик, он вытесал четыре колышка, тупые концы обрубил наискосок и на срубках написал «Римша». Колышки вогнал по углам облюбованного участка с таким расчетом, чтобы захватить и небольшой пригорок. Шикарное место для парника! Можно даже попробовать посадить виноградную лозу. Авось выдержит, если осенью укрыть получше.

На обратном пути он остановил машину возле моста через Юглу. Уже вечерело, и здесь кишмя кишели рыбаки. Пристроив длинные удочки на сваях разрушенного временного моста, рыбаки ожидали лещинового жора. Те, кто удил на особо хорошем месте, возле двора «Юглас мануфактуры», хвастливо поднимали сетки, полные рыбы; посередине канала ворочались неуклюжие лодки любителей судаков.

– До войны здесь пусто было. Хорошо, если увидишь, двух-трех рыбаков, да и то много, – заметил он словно между прочим и включил мотор. Теперь он знал определенно, что поставит дом на берегу озера. И родилось в нем такое чувство, что он обогнал время и околпачил его.

1

Магазин трикотажных изделий находился в новом доме. Он был просторный и светлый – так обычно случается, если помещение для магазина не встраивают, не перестраивают и не реконструируют, а предусматривают сразу, в общем архитектурном проекте всего квартала. Покупатели свободно двигались между полками, брали, ощупывали и разглядывали все, что душе угодно.

Продавщицы боролись со скукой. Это было их основным занятием – бороться со скукой: магазин располагался далеко от центра, в новом районе, поэтому покупатели появлялись только около пяти часов, когда возвращались домой с работы – на дефицитные чудо-товары они надеялись только в конце месяца.

Обе продавщицы то болтали, прислонясь к стене, то перелистывали журналы. Новые журналы за июнь 1973 года с яркими ситцевыми летними платьями на последних страницах. Или переговаривались с кассиршей, которая восседала на своем троне в другом конце зала.

Все три скучали и мечтали о переводе в какой-нибудь центральный магазин, где хотя бы людей увидишь.

Обо всем переговорив, они, чтобы убить время, принимались глядеть в окна, которые были наклонно выдвинуты наружу и тянулись вдоль всей стены. Казалось, что это одно-единственное огромное стекло, потому что алюминиевые крепежные полосы не мешали смотреть. Если в солнечный день стать у стены, которую обычно подпирали продавщицы, то могло показаться, что ты в широкоэкранном кинотеатре, где показывают немые фильмы: люди шли и шли к троллейбусной остановке, выводили на прогулку собак, катили детские коляски; по ту сторону асфальтированной улицы мальчишки гоняли мяч по песчаной площадке; порой на ее углу собирались дядьки с бутылками, ветру на радость бросали на землю скомканные бумажки от бутербродов – он потом гонял их по всему кварталу. Актеры на экране все время двигались, но звука не было, и фон не менялся. На первом плане всегда оставался тротуар, потом шла полоса зелени, асфальт улицы, телефонная будка, площадка между двумя девятиэтажными домами, покрытая грязным, рыхлым песком, и обломанные поникшие деревца.

Сцены за окном давали хоть какой-то повод поболтать.

– У этой каланчи опять новое пальто. Видишь?

– И откуда только люди деньги берут? Не пойму! Мне ничего не надо давать маме на еду, все самой остается, и то не могу позволить себе такого.

– Может, у нее муж какой-нибудь ученый...

– Деньги у ученых? Смеешься! Да и молодой он еще.

– Симпатичный чувак.

– Везет же людям!

С виду они знали почти всех жителей района. Тех же, кто ходил на троллейбусную остановку, они знали наперечет. Кое-кто из этих людей, сам того не ведая, получил новое имя: Соня, Хромой, Эта с рыжей лисицей, Иисус, Цветочный дядечка.

– Глянь-ка, какой чудной старик! – сказала одна из продавщиц. – Нездешний... Наверно, к нам зайдет...

Старик вертелся возле стеклянной двери, подносил к самому носу какую-то бумажку и в конце концов все-таки вошел в магазин. У него был бегающий, все осуждающий взгляд, и лицо выражало ту непреклонную решимость переделать мир во что бы то ни стало, от которой у всех работников, имеющих книгу жалоб и предложений, душа уходит в пятки.

Продавщицы моментально перестали подпирать стену, кассирша любезно улыбнулась.

Старик сгорбился, подошел прямо к ней и без околичностей приступил к расспросам.

– Что здесь написано? – он протянул скомканную бумажонку, по-видимому, клочок некогда существовавшей тетради в клетку.

– Улица Вирснавас, четыре, четвертый корпус, тридцать первая квартира, комнаты солнечные, окна на север... – прочла вслух кассирша.

– Это который дом будет? Я добрых полчаса хожу, время уже к семи, а найти никак не могу! Кто здесь отвечает за нумерацию домов?

– Мы живем не здесь, – кассирша пожала плечами, перекладывая деньги в брезентовый инкассаторский мешочек, и добавила, что, по ее мнению, надо обойти дом вокруг, потом свернуть направо мимо третьего корпуса и там уже кого-нибудь спросить, кто-нибудь там да найдется.

– Спасибо! – коротко бросил старик и проворно засеменил к выходу.

– Квартиру меняет, – лениво отметила кассирша, пломбуя инкассаторский мешочек. Денег было немного, неполных двести рублей, и она подумала, что за нынешний месяц опять, наверно, не будет премии, потому что вряд ли удастся выполнить план. Она могла бы поспорить, что многие жители квартала купили в нынешнем месяце жакетки и джемпера, но сделали это, конечно, в центре. По инерции.

– Сегодня капитан Клосс по телевизору, – сказала младшая продавщица. – Давай потихонечку собираться.

– Через полчаса можно закрывать.

Дверь распахнулась, и опять появился старик. Он не вошел, а ворвался. Видно, был рассержен не на шутку и толкнул дверь так сильно, что она долго еще раскачивалась на своих хромированных петлях.

– Где у вас домоуправление? Я здесь наведу порядок!

– Не знаю, – резко ответила кассирша, ей старик до смерти надоел. – Я не обязана это знать.

– Вы не знаете, в каком домоуправлении работаете? Прекрасно!

– Я работаю в магазине!

Старик медленно двинулся в другой конец зала к продавщицам, чтобы повторить свой вопрос.

Продавщицы видели, как подъехало такси с инкассаторами. За деньгами пошел Виктор. Это был парень атлетического сложения. Фланелевая рубашка с засученными рукавами, широкий пояс с кобурой и джинсы делали его похожим на ковбоя из вестерна. В отличие от своего напарника, он был молчуном. Говорили, что в следующем году Виктор заканчивает медицинский институт.

Почти в тот же момент, когда у магазина затормозило такси, в торговый зал вошел какой-то человек в больших солнечных очках. В руке у него была свернутая трубочкой газета. Человек остановился возле вертушки, на которой висели образцы галстуков, и принялся их разглядывать, повернувшись к стене. Продавщицы видели, как он вошел, но особого внимания на него не обращали. Пока. Потому что его сутулая фигура с покатыми плечами не могла идти ни в какое сравнение с великолепными загорелыми бицепсами Виктора.

Виктор громко поздоровался, взял у кассирши инкассаторский мешочек и пружинистым крупным шагом направился к дверям. Он был уже почти у двери, когда человек с покатыми плечами ловко обернулся и ударил его по затылку свернутой в трубочку газетой. Что-то глухо хрустнуло. На какой-то миг Виктор застыл на месте, потом рухнул на пол. Продавщицы разом пронзительно вскрикнули, и в магазине воцарилась полнейшая тишина. Позже кассирша говорила, что в эти минуты она даже слышала тикание своих часов.

Человек с покатыми плечами, кажется, вовсе не спешил. Он отбросил газету, которая упала тяжело, но без металлического звука, поднял инкассаторский мешочек и вышел.

Из такси с пистолетом в руке выскочил напарник Виктора. Его удивило, что грабитель идет прямо на него. Не торопясь. Спокойно.

Напарник Виктора поднял пистолет, но тут приглушенно и тупо прозвучал выстрел из машины. Инкассатор упал на газон. Зарычал мотор такси, человек с покатыми плечами сел рядом с шофером, и машина умчалась.

В магазине все оцепенели. У Виктора из уголка рта сочилась кровь.

Первым пришел в себя старик.

– Где телефон? – крикнул он.

Обе продавщицы бросились показывать дорогу на склад – телефон стоял там.

– Я дозвонюсь, идите помогите пострадавшим!

По собственной инициативе он взял на себя командование, и все ему охотно подчинились. Минуты две спустя он вылетел со склада – телефон, бог знает почему, давал сигнал «линия занята» – и побежал через улицу к автомату. Но в спешке он забыл о двухкопеечных монетах, в кармане оказалась всего одна монетка, чтобы позвонить в скорую помощь. К счастью, у газона уже толпились люди, так что монеты нашлись. Воротившись, старик распорядился, чтобы ничего не трогали, и встал у дверей магазина – отгонять любопытных.

2

Валоя – из тех населенных пунктов, которым вечно приходится терпеть капризы администрации. Еще удивительно, как ее до сих пор не перекрестили.

Сначала Валоя была местечком, потом городом, потом поселком городского типа и, наконец, стала просто поселком. Эти перемены титулов не доставляли городишке особых забот. Заботы пришли, когда он заделался районным центром, – и еще позже – когда перестал им быть.

Три дня на размышление-2.

Теперь в Валое на средства местного совхоза нет-нет да и построят какое-нибудь четырехэтажное здание с газом, центральным отоплением и горячей водой, но тогда, когда в Валую приехал Людвиг Римша, она расширялась только за счет индивидуального строительства. А строиться начали в «райцентровские» времена, потому что тогда можно было получить работу в управлениях сельского хозяйства, статистики, Госстраха и других, которым положено быть в каждом порядочном райцентре. Пока люди свозили кирпич и заливали фундаменты своих домов, районный центр Валую ликвидировали. Управления, которые не сумели списать канцелярскую мебель на дрова, свалили ее в грузовики и отвезли в следующий райцентр, а бывшие работники стояли и смотрели вслед, словно провожая дорогих усопших.

Там, где прежде была теснота, оказалось много пустых помещений. Но те, кто начал строиться, решили все же подвести дома под крышу. Дольше других пустовало помещение милиции – никто не хотел брать там квартиру. Наконец в здании разместились пожарники, штаб

дружины и потребительское общество, и начались нескончаемые споры о том, кому владеть бывшими камерами в подвале здания.

Когда индивидуальные застройщики закончили свои дома, им, конечно, не захотелось никуда уходить – дома ведь топить надо, чтобы сырость не ела стены, а в фундаменте не завелся грибок. Но топить собственный дом – не занятие, на это не проживешь, и они рыскали повсюду в поисках работы. Но назад в колхозы никого не тянуло. Почта, молокозавод, пожарное депо, потреббщество, школа, магазин, парикмахерская и железнодорожная станция... Какой Валоя была, такой и осталась – не меньше и не больше.

Ведь до той самой поры, когда колхозников вместо вопроса «На что купить?» не стал мучить другой – «Что купить?», оставалось еще два года.

На стенках будочки автобусной станции начали появляться однообразные объявления: «Срочно продаю новый жилой дом с плодовым садом и ягодником».

Вскоре слово «срочно» сменилось на «дешево».

Днем и ночью авторы объявлений мечтали о сказочных огнях Риги и сокрушались о ничтожестве Валои. Однако покупатели не появлялись, а бросить дом на произвол судьбы может только тот, кто его не строил.

И вдруг, ближе к осени, произошли великие перемены. Весть о них молнией сверкнула над Валоей и своим огненным хвостом дочиста обмела все стены автобусной станции. На базе окрестных колхозов создали совхоз. А если обещают твердую месячную зарплату, а не туманное «в конце года будет видно», тогда уж никто не бежит от земли.

Хозяйство имело большой кредит и велось с размахом, так что вскоре надежды сменились уверенностью. Откуда-то взялись люди, которые тщетно искали продающийся дом. Как же, продадут здесь дом! Нашли дураков! Лучше бы кирпича привезли или мешок цемента – деньги заработали бы! Или сами взялись за строительство – ремесленники в Валое теперь гребнут деньги обеими руками! Надо надстраивать вторые этажи, рыть колодцы, ставить основательные хозяйственные постройки... По вечерам много ли успеешь, а днем надо вкалывать на государственной службе.

Как раз в это время в Валую приехал Людвиг Римша – двадцатисемилетний, довольно видный, хотя и с небольшой склонностью к облысению, неженатый молодой человек. Он снял комнату. Таковую, чтобы, кроме кровати, в ней уместился небольшой чемодан под кроватью.

– Вы насовсем? – поинтересовалась хозяйка.

– На два месяца... В прошлом году я отпуска не брал, вот и получил теперь сразу за два.

– У нас тут негде отдыхать, надо было вам к морю ехать... В Айнажи, Куйвижи или Салацгриву...

– Я заключил с вашим хозяйством договор на перемотку электромоторов.

– Работать будете?

– Надо же деньги зарабатывать.

У хозяйки на языке вертелся вопрос, зачем это молодому неженатому человеку нужны деньги, но она решила приберечь его до более подходящего случая.

Людвиг отправлялся в механические мастерские чуть свет, когда все остальные жители Валои еще спали сладким сном, в обед мыл руки, в столовой быстро съедал две полные тарелки супа и опять бежал к электромоторам, хотя другие в это время еще покуривали на солнышке. И по вечерам домой не спешил – окошко каморки электриков светило допоздна.

Бригадир электриков сказал директору хозяйства Стиге, что этого психованного рвача надо бы насовсем переманить – за две недели четыре сотни заколотил, но директор, смеясь, отмахнулся. Дескать, не имеет смысла пробовать, все равно ничего не выйдет. Наверно, он уже раньше знал Римшу и знал также, почему нет смысла затевать разговор. Бригадир вроде даже обиделся, что ему не объяснили подробнее, и махнул рукой.

– Чего мне больше всех надо? По мне, так пропади они все пропадом!

Работы, предусмотренные договором, Людвиг закончил еще до Янова дня. Лег далеко за полночь и на следующее утро проснулся поздно. Разыскал хозяйку, – та в огороде мотыжила бобы, – попросил у нее уют, потому что выходной костюм, в котором он приехал сюда, измялся в чемодане.

Плотно пообедав в столовой, он явился к главному бухгалтеру хозяйства – сорокалетней, видной, но совершенно седой женщине. Идти к бухгалтерше можно было или с плиткой шоколада или с ромашкой – что-то принести полагалось обязательно. Следовало предоставить ей возможность воскликнуть с упреком и благожелательно, так, чтобы было слышно во всех углах большого, забитого столами помещения:

– Ну, зачем же!

Шоколад съедлся всеми конторщицами сообща, а посетитель мог выжать и подпись, и печать, и перечисление – смотря кому что надо.

Возможно, Людвиг Римша не знал про шоколад или не принес его из скупости, но так или иначе, а пришел он с пустыми руками.

– Я, – сказал он главному бухгалтеру, – сделал все предусмотренные договором работы.

Девчонки-счетоводы, зная, какая последует реакция, ухмылками и смешками вдохновляли седую даму и в ожидании змеиного шипения от любопытства вытягивали шеи.

– Мне об этом ничего не известно!

– Я принес вам акт, – спокойно сказал Людвиг – ему даже не приходило в голову, что он обидел кого-то. – Я только хотел попросить, чтобы мне скорее выплатили деньги, иначе придется напрасно потерять день, чтобы приехать сюда еще раз.

Девчонки прыснули со смеху и спрятали рожицы за горами документов.

– Не мешайте мне работать!

– А как же деньги?

– Наглец! Вон!

– Я пришел сюда не для того, чтобы слушать ваши грубости.

– Прочь! – у главного бухгалтера от волнения задергалось лицо. – Деньги эти вы получите только в третьем квартале.

Бухгалтерша торжествовала. Так она и сделает. В третьем квартале. Пусть жалуется куда хочет, а добиться ничего не добьется. Она затянет оформление акта приемки, опротестует его, устроит проверку, а тут и третий квартал!

– Можете жаловаться! – слова ее прозвучали, как щелчок кнута.

Римша постоял немного, потом молча вышел. Девчонкам-счетоводам было жаль его – самую чуточку. Бухгалтерше, наверно, тоже, но она уже не могла отступить, разве что этот Римша публично принес бы ей извинения.

Директор Стига был умный руководитель и потому не вмешивался в работу бухгалтерши: хозяйство, где директор грызется с главным бухгалтером, никогда не пойдет в гору. Поэтому седовласая дама была очень удивлена, когда через час ее вызвал Стига и приказал:

– Двадцать седьмого, когда кассир поедет за зарплатой, вы рассчитаетесь с Римшей.

Директор говорил подчеркнуто решительно, и седовласая дама сразу поняла, что все будет так, как он сказал. Поэтому она только побледнела и кивнула: – Попытаюсь...

– Пожалуйста, сделайте!

Уж не родственник ли Стиге этот Римша? Но Стига никогда не жил в самой Риге, он жил в рижском районе возле какого-то озера, неподалеку от городской черты. Может, в тех же Донях, что и Римша?

До сих пор бухгалтерша считала Стигу во всех смыслах честным человеком, но вдруг эта уверенность пошатнулась. Ей вспомнился один разговор, который она услышала совсем нечаянно. Директор Стига хотел купить машину. Он хотел «Москвич», а ему предлагали «Волгу».

– Хорошо, – отмахнулся Стига. – Пара тысяч туда, пара тысяч сюда – на сей раз это большого значения не имеет. Главное, мне нужна машина.

Конечно, директор получал приличную зарплату, премии, но семья у него была – пять человек, и жена не работала. Бухгалтерша подсчитала доходы директора и пришла к выводу, что собрать две тысячи он может в лучшем случае за два года. А о деньгах, которые копят так долго, никто не скажет «туда-сюда, никакого значения».

– Послушай, – бархатным голосом спросила она начальника отдела кадров, – как называлось то местечко, где Стига раньше работал?

– Дони.

– Ага, припоминаю. Там не то совхоз, не то колхоз...

– Не знаю. Он там не работал, он руководил цехом на промкомбинате и заочно окончил сельхозакадемию.

– Ага, спасибо!

3

Когда Алвис примчался к магазину на улице Вирснавас, почти все остальные, кому положено явиться в таких случаях, уже явились: оперативные милицейские машины стояли вперемешку с автобусиками скорой помощи.

Три дня на размышление-3.

Милиционеры пытались раздвинуть плотное кольцо людей, которое все туже и туже стягивалось у магазина и бесстрашно занимало часть мостовой.

Из окон соседних домов высовывались люди. Те, кто запоздал, спрашивали, что случилось, и, узнав, вытягивали шеи. Мимо Алвиса прошла какая-то парочка.

– Давай посмотрим, – предложила женщина. Мужчина отказался. Нервы не позволяют ему глазеть на автомобильные катастрофы. И парочка свернула за магазин, так ничего и не увидев.

Как на пожаре, подумал Алвис. И почти тут же понял, почему на сей раз толпа вызвала у него такую ассоциацию: у автобусиков скорой помощи не были выключены опознавательные огни, и они, мигая, бросали красные блики на лица и одежду людей. Адвид осторожно, но решительно отодвинул в сторону высокого человека в длинном кожаном пальто, который стоял в самом последнем ряду. Долговязый кинул сверху вниз на Алвиса ничего не понимающий взгляд. Он ведь стоит позади всех и никому не мешает. К тому же он такой высокий, что его не часто осмеливаются толкать. Алвису он крикнул вслед:

– Что, выходишь на следующей, да?

– Разрешите, пожалуйста! – Алвис подвинул в сторону бледную малокровную женщину, в глазах у которой стояли слезы.

– Разрешите...

– Куда лезешь? – строго спросил усатый милиционер. Он успешно удерживал толпу любопытных и ни на сантиметр не разрешал переступить линию, которую провел в собственном воображении.

– Уголовный розыск, – Алвис сунул руку в карман, чтобы достать удостоверение, но так и не достал, потому что милиционер вовсе не собирался требовать документов.

– Извините! – милиционер козырнул и тотчас же снова принялся за своих подопечных. – Куда лезете? Дома, что ли, нечего делать? Тоже комедию нашли!

Свободное пространство, окруженное людьми, чем-то напоминало цирковой манеж. Так и казалось, что вот-вот погаснет свет, и под звуки фанфар на зеленый ковер газона выйдут одетые в блестящие трико акробаты, стройные гибкие канатные плясуньи, кувырком вылетят пестрые клоуны, а медведи, совершая круг почета, станут кланяться зрителям.

У дверей магазина Алвис увидел следователя прокуратуры. Это был славный парень, но выражение его лица никогда не менялось – только серьезность и сосредоточенность. Он смотрел, как санитары бережно поднимают на носилки инкассатора, которого ранили возле машины. Скорая помощь попятилась на газон, задние двухстворчатые двери были распахнуты настежь, а возле них и в самой машине прилежно и быстро, как муравьи, что-то делали люди в белых халатах.

– Добрый вечер, – поздоровался Алвис со следователем.

– Добрый вечер, товарищ Грауд! – они пожали друг другу руки, и следователь прокуратуры тотчас добавил. – На сей раз нам удалось явиться раньше вас.

– Я должен был распорядиться, чтоб задержали такси, но сначала пришлось позвонить в банк и узнать номер машины. На это ушло почти десять минут.

– А разве товарищ Ульф...

Алвис не дослушал вопроса:

– Он скверно себя чувствует и сразу после обеда пошел домой. Я позвонил ему и послал за ним машину.

– Эх, старый Конрад, – следователь прокуратуры сочувственно вздохнул. – Наша работа требует железного здоровья и железных нервов. Конраду пора на пенсию, он бы сразу почувствовал себя лучше. Даже гранитные памятники в один прекрасный день начинают разрушаться...

– Чаше их или взрывают, или сносят.

Алвиса раздражали эти разговоры. Об уходе полковника Конрада Ульфа на пенсию говорили и думали многие; может быть, даже ждали с нетерпением момента, когда освободится кресло начальника отдела; ждали, но никто не смел намекнуть Конраду о пенсии. Разговоры эти, из года в год ползая по кабинетам, стали обычными и банальными, как разговоры о погоде и о мудрых поступках родных детушек. Сотрудники, встречаясь в коридорах министерства, сперва обсуждали возможность достать те или иные запчасти для машины, потом, в зависимости от времени года, говорили о футболе или хоккее, затем о том, кому начальство в приказе задало перцу, а кого обласкало, и в конце концов о том, что старый Конрад долго не протянет и все же уйдет на пенсию, хотя большинство в глубине души было уверено, что из уголовного розыска Конрад по доброй воле не уйдет: отсюда его могут только вынести в гробу.

– Да, да, железные нервы и железное здоровье, – Алвис закивал. – Но Конрад этого не понимает. Вы могли бы ему подсказать, – И, сделав паузу, добавил. – Ну, я пошел.

Следователь прокуратуры был отнюдь не дурак. Он понял, что его хотели уколоть, и лицо его тотчас приняло обычное выражение серьезности и сосредоточенности, от которого он в начале разговора почти освободился.

Скорая помощь, включив сирену, умчалась. Едва взвыл сигнал, люди метнулись в стороны, словно их ударило током. Странно, что рычание мотора – угроза гораздо более реальная – не произвело на них никакого впечатления.

За стеклянными дверями магазина время от времени сверкала «вспышка». Блеском своим она слепила людей, и потом они долго моргали.

Виктора уже увезли. Там, где он лежал, темнели пятна крови и белел наведенный мелом контур тела, четко выделявшийся на темно-сером бетонном полу.

– Добрый вечер! – Алвис подошел к медицинскому эксперту, седому, очень тихому мужчине. Глаза у него были выпуклые, и поэтому он всегда выглядел испуганным.

– Добрый вечер! – эксперт взял руку Алвиса за запястье и осторожно пожал. – Ничем не могу вас порадовать.

В магазине толпились милиционеры и люди в штатском. Чувствовалось, что все жаждут деятельности и только ждут команды, чтобы начать действовать. Кассирша стояла у служебного входа и то ли по привычке, то ли действительно опасаясь, следила, как бы не сунули что-нибудь в карман. Может, Алвису только казалось так из-за остроты ее взгляда.

Алвис поздоровался и, ни о чем не спрашивая, прошел мимо кассирши, отворил дверь служебного входа, протиснулся между грудями тонких картонных ящиков, сложенных вдоль стен длинного темного коридора, и чуть не ткнулся в табличку, на которой курсивом было выгравировано «Директор магазина». Из кабинета доносились всхлипывания женщины и мужской голос. Сквозь щели в двери просачивался синеватый мертвенный свет неоновой лампы. Глядя на эти вертикальные полосы света, Алвис опять вспомнил Конрада, который боролся против всяческих «новомодных выдумок».

В своем кабинете старый полковник расправился с неоновыми лампами куда как быстро – он просто их не включал. Его громадный дубовый письменный стол – мебельные музеи мира не заинтересовались им только из-за неосведомленности – до сих пор освещался настольной лампой с абажуром салатного стекла, напоминавшим сплюснутый берет. Эту лампу сослуживцы подарили Конраду к тридцатилетию со дня рождения; с точки зрения Алвиса – во времена допотопные.

События за дверью развивались. Мужчина вроде хотел успокоить женщину, но добился противоположного результата – она всхлипывала все громче и надрывней.

Алвис постучался и, не дождавшись ответа, открыл дверь. Кабинет был узкой, сплошь заставленной комнатухой; из-за тесноты казалось, что вещи здесь подпирают друг друга, и достаточно тронуть одну из них, чтобы опрокинулись остальные. К простому фанерному шкафу, на который столяры пожалели даже бейца, – такие обычно стоят в заводских гардеробах, – прислонилась груда похожих на круглые пеналы коробок. Торцы их были украшены фотографией длинноногой рекламной герл. С другой стороны коробки упирались в стену, а улыбка герл – в корзину для бумаг, мешавшую вытянуть ноги.

Бывший однокурсник Алвиса, нынче инспектор районного отделения внутренних дел Юрис Гаранч сидел за столиком директора. В столике с правой стороны было два ящика. Верхний выдвинули, и в него засунули телефон.

Напротив Юриса на расстоянии прыжка мыши стоял диванчик, на краешке которого пристроились две девушки в коротеньких форменных халатиках, с красивыми голыми коленками. Рядом сидел удрученный чем-то морщинистый старик; казалось, ему только что пришлось съесть горькое дикое яблоко. Одна из девушек закрыла лицо руками и всхлипывала тихо, словно постанывая; другая была почти в истерике – лицо ее будто полиняло, тушь на ресницах размокла и расплылась, губная помада размазалась, но ей было явно не до этого: истерические всхлипы становились все надрывнее. Юрис, похоже, не знал, что делать. Охотнее всего он свалил бы допрос на кого-нибудь другого или отложил на завтра, послезавтра, даже на неделю; но он не имел на это права, потому что приметы преступника нужно было выяснить

сейчас же. Милицейским постам на автострадах, шоссе, на всех сухопутных путях, ведущих в Ригу и из нее, знать приметы просто необходимо, чтобы имелся хоть какой-то отправной пункт. Чтобы до тех пор, пока не выяснится что-нибудь новое, пока не составят фоторобот или словесный портрет преступника или не получат его фотографии, милиционеры на постах знали бы по крайней мере, рыжие у него волосы или черные, двадцать пять ему лет или пятьдесят, не было ли на его руках татуировки, на кого он похож больше – на великана или на карлика. Сведения эти нужны были немедленно. Сейчас же, чтобы через несколько минут они улетели по радио в самые отдаленные уголки Латвии. Что случилось с этими девушками? Неужто увиденная впервые насильственная смерть произвела такое впечатление, вызвала шок? Наверно.

Алвис все понял без слов.

– А кассирша? – спросил он.

– Ничего не видела.

– Как?

– Обычное явление. Она подает инкассатору мешочек с деньгами, и на том ее функции кончаются. Кассирша высыпает перед собой горсть мелочи и склоняется, чтобы пересчитать. Когда она поднимает голову, преступник уже стоит к ней спиной. Он выходит из магазина, направляется прямо к такси, и она, естественно, видит только его спину.

– Значит, абсолютно ничего?

– На нем был коричневый югославский плат покроя реглан. Пятьдесят второй размер, четвертый рост.

– Вот это глаз!

– Такой профессионально наметанный глаз у каждой третьей продавщицы.

– Плащ был не совсем коричневый, – вмешался вдруг старик. Его глаза так и вспыхнули от желания действовать. – Он был коричневый с серым.

– Вы же находились в самом конце зала, – Юрис недоверчиво поглядел на старика.

– А я могу и не говорить, – ошетинился тот. Рыдания девушки стали уже конвульсивными, и Алвис, испугавшись, побежал за медицинским экспертом – врачи всегда носят при себе успокоительные средства.

Когда он воротился в сопровождении озабоченного доктора, Юрис сказал, что Алвису звонили из таксомоторного парка. Шофер Людвиг Римша проживает на хуторе «Людвиги» в селе Дони Рижского района. В таксомоторном парке уверены, что Римша скорее может стать жертвой, чем преступником.

Усевшись в машину, Алвис заметил, что подъехал Конрад, но задерживаться не хотелось.

– Жми! – крикнул Алвис шоферу. – В Дони.

– А где это? У черта на рогах?

– Где-то возле Белого озера, сейчас уточню по справочнику, – И, видя, что Конрад уже выбрался из машины и идет к магазину, Алвис нажал на клаксон, открыл дверцу и крикнул. – Я позвоню!

Конрад кивнул – понял, значит, – и медленным матросским шагом пошел дальше. Ветер трепал полы его белого парусинового пиджака.

Любопытные разбрелись. Как только пострадавших увезли, плотный круг распался: какой интерес глазеть на пустой газон? Остались только самые заядлые. Они отошли подальше и, показывая на газон, где недавно лежал раненый инкассатор, самозабвенно просвещали тех, кто еще был не в курсе.

4

В то самое время, когда Людвиг приехал из столицы в Валою, туда прибыла и Нелли, но совсем из других краев и совсем другим образом: ее привезли на лошади. Выглядело это не бог весть как, и потому, завидя идущих навстречу парней, она морщила свой маленький носик. Дядя привез Нелли в Валою, чтобы устроить на интеллигентную работу на почте. В телеге стояли два ларя и полдюжины чемоданов. Провожая дочку в путь, мать заливалась слезами радости и горя: наверняка крышка верхнего ларя еще не успела просохнуть. Мать радовалась, что дочери удалось вырваться из колхоза: теперь она станет торговать конвертами в почтовом отделении, и ногти у нее всегда будут наманикюрены, и ходить она будет только в шелковой блузке, а в жены ее возьмет какой-нибудь валоец или – что тоже возможно – какой-нибудь цессисец или валмиерец. На рижан мать не надеялась, потому что сама никогда не бывала в Риге. От радости слез было пролито куда больше, чем от огорчения: мать думала, что дочка, выйдя замуж, возьмет ее к себе.

Нелли только что закончила среднюю школу. Ей было восемнадцать лет, она любила кокетничать, была равнодушна к танцам и другим общественным увеселениям. К тому же она была услужлива, добродушна и всем сочувствовала. Никто и никогда не видел ее злой. Она не была ни Джокондой, ни моделью для античного скульптора. Даже фотоснимок на обложку модного журнала с нее не прошел бы. Но все-таки она была привлекательна, и ее ничуть не портили неумело подкрашенные губы и ресницы. Она, конечно, не рассчитывала, что все валойские парни потеряют из-за нее голову, но тем не менее была уверена, что кое-кто все же потеряет, и она сможет выбрать себе подходящую пару.

В первый же субботний вечер, она, дрожа от нетерпения, натянула свое лучшее платье, черным карандашом нарисовала в углах глаз маленькие закорючки, тряпочкой навела блеск на лаковые туфли и отправилась на бал в старый парк бывшего имения. Там была устроена квадратная танцплощадка с перилами. На возвышении играл оркестр, но танцоры еще не собрались с духом. Парни теснились по краям, курили и сплевывали сквозь зубы. Девушки без всякой необходимости реставрировали краску на губах и критически наблюдали за непредприимчивыми парнями.

Нелли купила билет, положила его в сумочку и отважно пошла через пустую середину танцплощадки. Она видела и чувствовала обращенные на нее заинтересованные взгляды и понимала, что к ней не придерешься – платье в крупных пестрых цветах очень ей шло.

Она пересекла уже почти всю площадку, когда ее окликнул какой-то парень:

– Красотка, как тебя зовут?

Она повернулась к парню и кокетливо прикусила нижнюю губку:

– Отгадайте!

– Илга!

– Вия!

– Майга!

– Ария!

Парни отгадывали наперебой, а она стояла, склонив головку улыбаясь; и ждала, когда угадают ее имя. Она не понимала, что игра затянулась, становится скучной, а это уже опасно.

– Пеструха! – крикнул вдруг кто-то, глядя на ее пестрое платье.

– Пеструха! Му-у! – подхватили парни в один голос. Имя было такое неожиданное и такое знакомое, что они корчились от смеха.

Глаза Нелли наполнились слезами, их начало щипать от туши. Сдерживая рыдания, она побежала на другую сторону площадки, но и там ее встретили с поразительным единодушием. Сопрано, альты, тенора и басы глубокомысленно тянули:

– Му-у-у-у!

Нелли взвизгнула и бросилась прочь с площадки.

Ничто так крепко не прилипает, как прозвище в малом городишке. Нелли, казалось, получила его на всю жизнь. Она согласна была вытерпеть любые лишения и беды, только бы избавиться от прозвища. Может быть, все было вовсе и не так страшно, но, завидя улыбающихся или смеющихся людей, Нелли воображала, что это смеются над ней, и глаза ее сразу же наполнялись слезами. Мимо почтового отделения гнали мычащих коров – и опять у нее на глазах выступали слезы, и она готова была всех их уничтожить. Напротив теткиного дома белело здание молокозавода, и Нелли казалось, что даже оно построено с одной единственной целью – унижить ее. И все-таки однажды надо было рискнуть и пойти на бал, потому что иначе не имело никакого смысла жить в Валое.

Сразу за парком бывшего поместья начинался Ирбуленский луг, окруженный частными домишками. Почва здесь была сухая и твердая, травка короткая, казалось, она выросла только для того, чтобы на ней кувыркались. Мало-помалу частники отгрызали от луга по кусочку, но территория была еще большая – в пять или шесть футбольных полей. По будням Ирбуленский луг оккупировали владельцы коров и коз; они привязывали здесь свою живность, а сами с хворостиной садились рядом. Но в Янов день на луг являлись все валойчане.

Так было и в том году.

Сперва здесь воткнули шест со смоляной бочкой на конце и надежности ради закрепили его тросами. Потом привезли дрова и старые шины (когда их поджигали, они так дымили, что нечего было и думать подойти к ним с подветренной стороны) и длинные скамьи для музыкантов.

Люди начали собираться, как только спустились сумерки. Они приходили маленькими группками, и у всех в корзинах были пироги и сыр; мужчины несли бидоны и ведра с пивом, а у иных во внутренних карманах пиджаков были запрятаны бутылки с более крепкими напитками. Компании разожгли костры и теперь, попивая пиво, посматривали друг на друга. К тому времени явились музыканты и принялись настраивать инструменты. Инструменты они настраивали долго, потому что каждая компания считала делом чести послать к ним делегата с ведром пива и пирогами.

– Попробуй, как получилось! – делегат черпал из ведерка пиво и протягивал кружку всем по очереди. – Чистый ячмень, сахару ни вот столечко не положил!

– У! – выпив, музыканты ладонью утирали рот; это был, конечно же, духовой оркестр, и, конечно же, мужчины там были пожилые.

Не успел первый делегат отойти, как подошли другие. Потчuya друг друга, они сокрушались, что пиво еще не успело как следует добродить, и в оправдание перечисляли всякие помехи, которые судьба учинила совершенно неожиданно.

Потом самые предприимчивые попробовали поджечь бочку со смолой, что торчала на верхушке шеста. Как обычно, запал, по которому огонь должен был подобраться к бочке, несколько раз затухал, и в этом обвиняли, конечно же, того, кто поджигал, хотя виновата была солярка, испарившаяся из запала. Парни взбирались друг другу на плечи и поджигали снова. И, наконец, настало мгновение, когда пламечко с запала перепрыгнуло через край жестяной бочки. На какое-то мгновение показалось, что смола погасла, но потом в дырочках, пробитых для тяги в нижней части бочки, засветилось, и пламя с глухим ревом рвануло вверх.

Все, кто сидел у костров, поднялись и молча смотрели на общий Янов огонь. Первыми пришли в себя музыканты – они начали играть, и люди, заслышав музыку, очнулись, зашевелились.

Одна из компаний с песней лиго и полными кружками двинулась к другому костру, чтобы угостить соседей и пропеть им хвалу; соседи в свою очередь пропели хвалу пришедшим, угостили их, и обе компании, объединившись, пошли к третьему костру, и вот уже все столпи-

лись вокруг желто-красного Янова огня, и Ирбуленский луг загудел под ногами танцоров. И не было среди них ни одного чужого, и никто здесь не был лишним, и никому не жалели ни пива, ни пирожков, и каждую девушку можно было обнять за талию. В вечер Лиго все люди – соседи и друзья.

Людвиг еще не решил – идти ему на праздник или нет, он стоял у окна и повязывал галстук, когда его заметил знакомый, с которым они работали в каморке электриков за соседними столами. Знакомый этот вместе с шумной компанией как раз направлялся на Ирбуленский луг; четверо несли обвязанную длинными полотенцами бочку пива и зазывали в свою компанию чуть не всех и каждого.

– Старик, дуй сюда! – помахал знакомый Людвигу.

– Не знаю... – Людвиг пожал плечами.

Бочку без промедления поставили посреди улицы, и вся компания, включая уставших носильщиков, грянула, глядя на окно Людвига:

Это что за привиденье.

Лиго, лиго...

Не справляет Янов день.

Лиго...

Людвиг почти что не пил и потому пьянел несильно. Настроение у него было прекрасное, он пел и танцевал, наполнял кружки пивом и дирижировал, прыгал через костер и рассказывал анекдоты. Он снова был таким, как восемь или десять лет назад, когда на него еще не свалился дом.

Ближе к утру Людвиг приметил красивую девушку – она стояла в сторонке и плакала.

– В Янову ночь – и плакать? Еще чего!

Он схватил девушку за руки и потащил на танцплощадку.

– Милка в Риге поселилась, я застрял в своей деревне! На такси катает Милка, я – на хромёнькой кобылке... – увлеченно пел старую песенку один из музыкантов, ничуть не тоскуя о микрофоне и усилителях «Реджента».

Танец закончился, и все заплодировали, чтобы его повторили. Девушка слабо улыбнулась, но тут какой-то юнец, плечистый и агрессивный, прищурил глаза и замычал прямо в лицо Людвигу:

– Му-у!

Девушка как по команде опять зарыдала.

– Что? Бычок потерял свое кольцо? – спросил Людвиг.

Парень, не зная, что ответить, с угрозой выкрикнул:

– Гляди, как бы тебя не отделали! – и тяжело затопал прочь.

Людвиг пригласил девушку к своему костру. Ее звали Нелли.

Днем прошел дождь, и потому сейчас, ночью, воздух был теплый, плотный и душистый, как парное молоко. Сладко пахли увядающие венки, цветы и аир.

– Был деревенщиной нуль уважения. Раз не министр – так откуда почтение? Нету ни фрака, ни трости в руках. Знай щеголяет в посконных портах.

В очередной раз направляясь с Нелли танцевать, Людвиг подумал, что солидный столичный оркестр, в котором есть гитара-соло и бас-гитара, а саксофон играет стерильно чисто, – здесь, на зеленом лугу, этот солидный оркестр провалился бы с великим треском: сельский духовой оркестр и старинные песенки куда лучше сближают людей и напоминают заодно, что к танцам нельзя относиться слишком серьезно, что дело это добровольное, а между делом можно и пива выпить, и поцеловаться.

Сквозь тонкую белую блузку Людвиг видел кружева комбине, а под ними взволнованно вздымающуюся грудь. Когда Нелли прижималась к нему, его лица касались светло-каштановые мягкие, шелковистые волосы.

Она была робкая, податливая и нежная. Только слишком молоденькая, подумал он.

– Станцуем следующий или пойдем к костру, пивка выпьем? – спросил он весело.

– Потанцуем... потом еще больше пить захочется.

Если бы Людвиг был ясновидцем или просто умел читать по глазам, он увидел бы в ее взгляде благодарность, удивление, доверчивость и – триумф. Глаза ее так и светились триумфом, и она нетерпеливо искала среди танцоров своих недавних обидчиков.

У их костра было тихо. Охочие до песен перебрались к соседям, и здесь оставались только те, кто причислил себя к «классу стариков». Они уже не так прытко опустошали кружки: все были увлечены спором о соединениях в трехфазном электромоторе; кто-то раздобыл кусок штукатурки и теперь чертил на бочке схему.

Людвиг наполнил две кружки. Они с Нелли громко чокнулись и, глядя друг другу в глаза, выпили до дна.

– Пойдем, погуляем...

Нелли давно уже чувствовала, что такое приглашение последует, но она еще не решила, что ответить. Однако все получилось гораздо проще, чем она думала: Людвиг просто взял ее под руку, а вырываться казалось глупо и нетактично.

В парке было прохладно. Людвиг обнял ее за плечи. Она не противилась, потому что не хотела противиться, и оправдывалась перед собой: смешно же быть недотрогой, смешно требовать, чтобы с тобой ходили за ручку, как в детском саду. Рука, лежавшая на ее плечах, была тяжелая и сильная – Нелли чувствовала, как она крепка.

5

Утверждать, что полковника Конрада Улфа знают все жители республики, нельзя, хотя он неоднократно выступал по телевидению, отвечал на вопросы комментатора и рассказывал о работе уголовного розыска.

Любил он начинать свою речь примерно так: «Уважаемые зрители! Прежде всего я хочу обратить ваше внимание на два понятия – „уголовное следствие“ и „уголовный розыск“. Повторяю: „уголовное следствие“ и „уголовный розыск“. Следователи по уголовным делам за день исписывают полтонны бумаги, а потом отправляют все это в суд. Делается это для того, чтобы доказать, что совершено преступление, и что его совершил именно гражданин Н или М, или оба вместе, и что имеются законные основания предать их суду. А мы, работники угрозыска, делаем только заметки в своих записных книжках, ибо на самом деле мы являемся такими современными шерлокхолмсами. Мы ищем преступников, ищем свидетелей, чтобы можно было доказать вину преступника. Мы разыскиваем. И, скажу я вам, наша работа – одно из самых интересных занятий, потому что мы, как правило, находим того, кого ищем. Об этом свидетельствует статистика. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно? До свидания в следующий раз, когда вы и многоуважаемый комментатор уже не будете путать понятия „уголовное следствие“ и „уголовный розыск“ и научитесь различать их».

Разумеется, нельзя утверждать и того, что старого Конрада знают все жители Риги. Но живет он здесь давно. Очень давно. Это его город. Конрад никогда от него не отказывался, никогда его не бросал. Годы войны не идут в счет: тогда он всего лишь отступил из Риги, но ни разу не терял уверенности в том, что вернется. Город никогда его особенно не баловал, но Конрад и не ждал этого. Просто Рига была его городом, Конрад родился здесь, чтобы навсегда остаться среди его серых камней; он был уверен, что остаться навсегда и жить можно лишь там, где ты родился, что никто и никогда не сможет прилепиться к месту, куда забрел случайно.

Конрад родился в тысяча девятьсот тринадцатом году, как раз в тот день, когда Краузе на предолимпийских соревнованиях «Марса» взял рывком одной рукой 189 фунтов, а Рижская городская управа за 4800 рублей приобрела первый дезинфекционный автомобиль с двигателем в 24 лошадиных силы. У автомобиля были колеса со спицами, два никелированных сигнальных рожка, а по бокам на трех языках значилось: «Городское дезинфекционное учреждение». Надпись на латышском языке страшно злила немцев. Они истолковывали ее как открытый бунтарский выпад. Они же так долго старались внушить этим латышам, что их, латышей, скоро в мире не останется вообще, и что, в сущности, их уже нет, а потому их онемечивание неотвратимо. Немцы расстреливали этих латышей и вешали, они агитировали русского царя, и он со своими черными сотнями стал союзником немцев, но к чему были все усилия, к чему было все затевать, если эти уцелевшие латыши осмеливаются делать на городской собственности надписи на своем языке? Что бы там ни было написано, но написано было по-латышски, а потому читалось: «Долой немцев!»

Отец Конрада был человеком, который одинаково хорошо подходил любой власти, потому что день-деньской прилежно добывал хлеб своей семье и принуждал себя верить передовицам газет, где говорилось, что всем трудно.

Отец Конрада собирал, писал и предлагал газетам и журналам рекламу. Тогда она была весьма однообразна – крупным шрифтом имя владельца и несколько строк обо всем остальном:

«В. К. Кислинг

бульв. Бастея, № 4

Рояли, пианино, фисгармонии. Очень выгодные условия оплаты».

Только изредка кто-нибудь забрасывал наживку с более ловко припрятанным крючком:

«Вниманию уважаемой публики! В связи с тем, что в последнее время некоторые владельцы магазинов используют марку моей фирмы в корыстных целях, предлагая малоценный товар, настоящим имею честь сообщить уважаемой публике, что мой магазин деликатесов находится только на улице Мариинской, 22, там в любое время можно получить первосортную ветчину, которая по качеству стоит вне всякой конкуренции.

Я, Эглит, владелец фирмы Э. Зоммер».

С утра до вечера он рыскал по городу в своем потрепанном пальто, улыбался, льстил, сдержанно предлагал, просил и отмечал заказы в записной книжке, а по ночам писал.

Они жили напротив Верманского парка, на шестом этаже. Из окон обеих комнат были видны крыши соседних домов. Маленький Конрад сидел на подоконнике и глядел, как на коньках крыш балансируют коты. Мать, маленькая, ясная, словно озаренная солнцем женщина окончила драматические курсы Дабура. Сразу же после окончания курсов она вдруг поняла, что актриса из нее не получилась и никогда не получится. Поняла и растерялась. И не зная, что бы еще наскоро придумать, вышла замуж. Она не могла таскать тяжелого Конрада вверх и вниз по лестнице и потребовала другую квартиру. Отец защищался. На его визитных карточках значилось: «Я. Улф, специалист по рекламе, Рига, Елизаветинская улица», – и это давало лишнюю копейку: работа специалиста, живущего в центре, оценивается соответствующе. Если он переселится на какую-нибудь рабочую окраину, они вовсе не смогут сводить концы с концами и влезут в долги. После долгих размышлений нашли все-таки компромиссное решение: Улфы перебрались в хорошенькую квартирку в Гризинькалне, но адрес на визитных карточках отца остался прежним. За небольшое вознаграждение сторожика дома на Елизаветинской отбирала из приходившей сюда корреспонденции письма, адресованные Улфу. Так и жил старый Улф, и думал, что живет правильно, и что сын возьмет пример именно с него. И лелеял мечту увидеть однажды на последней странице обложки какого-нибудь ведущего журнала цветную рекламу, текст которой он сочинил уже давно:

«Предприятие торговой рекламы

Я. Улф и сын

Неограниченные возможности, умеренные цены».

И больше – ни слова, потому что длинные рекламы забываются. «Я. Улф и сын» будет набрано массивными широкими блочными буквами, символизирующими стабильность, вечность. При чтении последующего текста в подсознании возникнут мысли о красоте и уверенности, что здесь каждый получит за свои деньги то, что заказал. И никаких стилизованных на латышский манер букв, никаких подчеркиваний, которые могут навести на мысль, будто у предприятия есть что скрывать, никаких букв «ампир» – от них разит показным. Ничего роскошного, все – просто, красиво и точно. Остальной текст должно набрать английским курсивом – изящные и стройные буквы вызовут в памяти надежные государственные облигации, бланки гарантированных векселей и белые британские купюры достоинством в десять и пятьдесят фунтов: английский фунт – валюта стабильная, доллар не может и никогда не сможет тягаться с ним. Предприятие он открыл в начале тридцатых годов, когда в мировую экономику глубоко и крепко вцепился кризис. Улф неплохо зарабатывал, объявляя о распродажах, и на аукционе ВАКО ему пообещали устроить за гроши обстановку для конторы.

Через несколько месяцев он обанкротился. Кризис достиг кульминации, никто ничего не покупал, кроме крупы и хлеба, поэтому не было никакого смысла тратить на рекламу. И все же до конца жизни старый Улф при любой возможности напоминал:

– Когда-то мне принадлежало рекламное предприятие.

В погоне за своей мечтой он выпустил сына из поля зрения. Сын изучал юриспруденцию, читал книги, играл в теннис и однажды даже участвовал в соревнованиях, устроенных Латвий-

ским автоклубом, потому арест сына во время ульманского государственного переворота оказался вовсе неожиданным. Однако в тюрьме его продержали недолго и даже позволили продолжать занятия в университете. В следующий раз сына арестовали, когда тот учился уже на последнем курсе и одновременно проходил практику в уголовной полиции.

Это был громкий, широко освещавшийся в печати процесс, и выиграл его обвиняемый. В последних рядах зала все время аплодировали. Бывший студент и бывший чиновник уголовной полиции так ловко оперировал фактами и статьями закона, что сумел не только опровергнуть свою принадлежность к подпольной организации, спасти, таким образом, от ареста своих товарищей, но и избежать отправки на принудительные работы, которая угрожала политзаключенным. В конце концов вышло, что он всего-навсего простой мошенник и отправить его можно только в Срочную тюрьму. Какие-то «неизвестные лица» присылали Конраду букеты роз с записками: «Считаем это твоей дипломной работой!»; работники прокуратуры в ярости пощипывали жиденькие бороденки: еще бы! – государственный преступник избежал заслуженного наказания. А отец потерял последнюю надежду на собственную рекламную контору и от этого прямо-таки чахнул, хотя имя Конрада Улфа теперь привлекало внимание и без помощи массивных блочных букв. Отец понял, что сын пошел другим путем, но не мог понять, плакать ему или радоваться; изменить он ничего не мог.

В «Черной Берте» Конрада отвезли в тюрьму, что возле станции Браса, одели в полосатый, похожий на пижаму костюм, и он провел полгода в обществе отнюдь не изысканном: в камере сидели мошенники от коммерции, в том числе и злонамеренные банкроты, двое свинкрадов, двое взломщиков, двое фальшивомонетчиков и какой-то сердитый молодой человек, который представлялся следующим образом:

– Я сижу за чужие радости!

Он содержал тайный веселый дом.

Сидя на единственном стуле в кабинете директора трикотажного магазина, Конрад не мог понять, почему в его памяти всплыл именно этот эпизод юности. Ведь он помнил много гораздо более приятных моментов: освобождение из тюрьмы после восстановления советской власти и назначение на пост начальника районного отделения милиции, получение на фронте боевой награды – ордена, рождение дочери, чествование в день шестидесятилетия... Но нет, сейчас все это было словно затянуто туманом, а в памяти ясно встала камера, фальшивомонетчики и человек, который «сидел за чужие радости».

Что ж, если бы мы могли вспоминать только приятное, тогда, наверно, мы все были бы самодовольны и ленивы, думал Конрад.

«Седуксен» помог, на лицах девушек постепенно высохли слезы. Инспектор Юрис Гаранч расспрашивал морщинистого старика. От умственного напряжения и избытка тепла – старик, как к невесте, прижимался к радиатору центрального отопления, – на лбу его выступили мелкие капельки пота. Юрис диву давался, как в таком сухом старике могло оказаться хоть сколько-то жидкости.

– Итак...

– Рыжий, как Распутин.

– А какой нос?

– Нос как нос.

– Товарищ Улф, – Юрис обернулся к Конраду, – я покажу ему альбом... В альбоме – фотоснимки глаз, лбов, носов разных форм.

Вообще-то альбом этот был нелегальным и ветхозаветным, однако, в отличие от громоздких новомодных проекционных аппаратов, с помощью которых в специальных залах создают фотороботы, его можно носить в портфеле.

– Позже. Пусть сперва сам расскажет все, что может.

– Рассказывать? – старик вздернул брови.

– Рассказывать, – кивнул Конрад.

– Я бы сюда вовсе не поехал, но мне сказали, что здесь свежий воздух. Чепуха, в Риге нигде нет чистого воздуха. Сперва я думал, что дым этот от свалок в конце Деглавской. Там отбросы сжигают. Ан нет.

Свалка больше не дымит, а воздуха как не было, так и нет.

Юрис грустно глянул на Конрада. Эта канитель будет тянуться часа два, не меньше, говорил его взгляд.

Конрад достал прямую трубку с головкой из темно-красного корня вишни, кiset, спички ж разложил перед собой на директорском столике.

Я могу перебить его, подумал Конрад, но вряд ли мы выиграем в смысле времени. Он опять скажет: нос как нос, а если показать ему альбом, он растеряется совсем. Пусть уж лучше закончит без помех свое предисловие, это успокоит его и придаст уверенности.

– Да, да, – поддакнул Конрад.

– А то как же! – старик чуть не подпрыгнул от радости: не каждый день встретишь родственную душу.

Юрис забрал обеих продавщиц и отправился искать другое подходящее для допроса место или хотя бы какой-то тихий уголок. Лучше, чтоб они не слушали старика: его рассказы только напрасно взбудоражат их воображение. Они уже почти что успокоились, поэтому Юрис не хотел вести их в торговый зал, опасаясь, что там с ними опять будет истерика. Они пошли на склад, уселись на какие-то тюки, зашитые в мешковину, – от тюков тотчас же поднялась мелкая, едкая джутовая пыль, – и начали потихоньку болтать, как дети, которые забрались в уголок двора, подальше от родительских глаз.

– А то как же! – повторил старик Конраду. – Травят насмерть!

Конрад пососал пустую трубку. В мундштуке хлюпала никотиновая жижа, но один раз набить еще можно было.

– У меня, товарищ начальник, квартира на улице Дзирнаву. Район, сами знаете, неплохой – магазины рядом, прачечная, кино. Все под рукой. Центр. Но воздуха нет. И тут я вдруг читаю, что меняют двухкомнатную квартиру на улице Вирснавас, 4 на двухкомнатную квартиру в центре. Я и задумался.

Конрад набил трубку и раскурил ее. Он пока не хотел признаться себе, что болтовня старика ничего ему не даст, и все же втайне радовался, что Юрис еще не вернулся и не слышит, как Конрад преуспел в допросе. Конечно, Юрис не посмел бы насмехаться открыто, но это ничуть не значило, что он не усмехнулся бы вообще.

– Вот я и подумал: квартира у меня хорошая, но там, в новом районе, воздух наверняка лучше. Для нас, стариков, это много значит. Нам нельзя есть жирное, мы должны много гулять на свежем воздухе. Тогда мы еще молодых переживем. Закваска другая!

И старик вдруг замолчал. Это было странно и неожиданно. Конраду казалось, что он сидит в автобусе, который вдруг, ни с того ни с сего, затормозил.

– Ну, и что же дальше? – очнулся Конрад.

– Я не буду меняться. Здешний воздух никуда не годится и, по правде говоря, воняет гнилыми костями. Лучше попробую обменяться на Сигулду или Цесис. Там курортная зона, там никто не имеет права загаживать воздух.

– Вы ничего не сказали о магазине...

– Ох, все было, как в кино!

– Пожалуйста, продолжайте... Извините, я не знаю вашего имени...

– Голубовский... Николай Голубовский... Я зашел в магазин спросить кассиршу, какое домоуправление отвечает здесь за нумерацию домов, а она не знала, и я пошел в другой конец магазина, чтобы спросить продавщиц. Я слышал, как кто-то вошел в магазин, потом еще кто-то вошел, но я не обратил внимания...

Конрад слушал старика и записывал в книжечку имя, фамилию и адрес.

– Когда я, товарищ начальник, обернулся, Дуршис уже ударил. Я только не знал, кого. Это я понял, когда он забрал мешочек с деньгами и ушел.

– Кто ударил? Повторите еще раз! – у Конрада от удивления трубка чуть не выпала из рта, но он успел на лету подхватить ее.

– Дуршис, – старик вытащил старомодный потрепанный бумажник с белыми проплешинами и достал оттуда небольшую газетную вырезку. – Дуршис А. Л.

– Он ваш сосед? Откуда вы его знаете? – Конрад вскочил. Он еще не мог поверить услышанному.

– Он мне не сосед, он часовщик. Лучше бы он грабежами занимался, а не портил людям часы. Лучше бы я никогда его не знал. Видите ли, у меня дома есть часы фирмы «Густав Беккер». Сорок лет они работали прекрасно, сорок лет отбивали каждые час и полчаса, но...

Но теперь Конраду не к чему было слушать ни об обмене квартиры, ни о стенных часах. Он встал напротив Голубовского и, впившись в его сердитое, морщинистое лицо, спросил чужим, ледяным голосом:

– Значит, вы утверждаете, что в нападавшем узнали часового мастера А. Л. Дуршиса?

– Я бы его узнал, если бы не эти большие очки! – оказал Голубовский, словно оправдываясь.

– Так вы узнали его или не узнали?

– Почти узнал.

– Как это понимать? – Конрад словно застыл, двигались только его губы. Поза была неудобной, но сейчас он наступал и не мог ее менять, потому что любое лишнее движение могло уменьшить напряжение.

– Будто бы он, а будто бы и не он. Раньше он носил маленькую бородку...

– У вас хорошая память на лица?

– М-м-м... Считайте, что я ничего не сказал.

– Нет, вы сказали!

– Знаете, все-таки это был не Дуршис...

– Итак, вы утверждаете, что нападавший не Дуршис?

– Нет, я ничего не утверждаю...

Конрад обошел стол и опустился на стул. Тот скрипнул под его тяжестью.

– Значит, вам кажется, что это гражданин Дуршис, но вы в этом не уверены.

– Да, так будет правильнее.

– Почему вы сразу же не сказали об этом сотрудникам милиции, которые первыми прибыли на место происшествия?

– Я уже начинаю жалеть, что вообще что-то сказал, – старик совсем понурился. – Ни за что ни про что теперь по судам затаскают. Будь я уверен, что это Дуршис, я бы так и сказал милиционерам. Сердце мое чувствует, что это именно он! Я его из тысяч узнаю, он мне такие часы испортил! «Густав Беккер», я уже говорил... Я даже в «Ригас балсс» написал, вот, пожалуйста... – он протянул Конраду газетную вырезку, о которой оба забыли на какое-то время.

Под заголовком «Это мешает нам работать» была статейка десятка в два строк. Там были слова «революция», «пятилетка», «социализм», «ударные темпы», «империалисты», «Густав Беккер» и «часовой мастер А. Л. Дуршис», который не выполнил работу в указанный в квитанции срок, а когда наконец выполнил, то так небрежно, что получил за это предупреждение от администрации. И подпись: Николай Голубовский, пенсионер.

Напряжение потихоньку отпустило Конрада, зато очень разгорячился владелец испорченных часов – часы больше не отбивали половину. Он крикнул:

– У меня квитанция! Я эти полчаса у него из глотки вырву!

Показания Голубовского были очень интересны: он утверждал, что нападавшим был часовой мастер Дуршис или кто-то другой, невероятно похожий на него, но без бороды. Это облегчало поиски преступника, ибо при создании его портрета можно будет взять за основу фотокарточку часовщика. Мысль же о том, что преступником мог быть сам часовщик Дуршис, вызвала у Конрада только усмешку.

Инспектору Юрису Гаранчу совсем не везло, потому что девушки ничего не видели. Это было странно: они видели все, но не заметили ни одной детали, которая пригодилась бы следствию. Они словно наблюдали за действиями каких-то безликих фигур. Правда, одна из продавщиц заикнулась, что у нападавшего были черные волосы, но потом сказала, что просто темные, и, наконец, заявила, что, возможно, темные волосы – всего лишь плод ее фантазии.

Пока Юрис их допрашивал, небо затянуло, на улице стемнело. Девушки боялись закрыть магазин и в одиночку возвращаться домой. В конце концов Юрис был вынужден попросить у Конрада машину, чтобы отвезти их.

– Заодно узнай, где живет гражданин Дуршис А. Л., и достань его фотографии, – приказал Конрад.

– М-да... Этот человек очень обрадуется ночному визиту милиции... Заодно я отвезу домой Голубовского, с утра он ведь нам понадобится...

Конрад согласился.

«Голубовский, Голубовский... – думал он. – Знакомое имя!»

Сквозь кусты черемухи, жасмина и сирени с танцплощадки доносилось:

– Мапочка, мамуля, дай мне погулять, хоть одну минутку у Гауи постоять...

Слова были слышны ясно. Алые отсветы костров на Ирбуленском лугу отражались в темно-синем звездном небе.

– А где мы найдем Гаую?

– Поищем, – Нелли робко улыбнулась.

Людвиг знал, что такими душистыми ночами с девушками не стоит говорить о законах Фарадея, похищении суперлайнера Боинг-747, романах Золя, повторном матче между боксерами Листоном и Петерсоном или о всемирном конкурсе красоты в лондонском «Алберт-холле», потому что вообще ни о чем не надо говорить. Надо целовать.

Людвиг запрокинул голову Нелли, погладил ее шелковые волосы и запечатлел на ее губах поцелуй. И был удивлен, что она совсем не умеет целоваться. Но противиться она не противилась, даже не пыталась уклониться от его губ, поэтому он, целуя, больше не сжимал ее в объятиях, а гладил волосы и плечи и чувствовал, как она дрожит.

– Гауи у нас нет, но ведь мы можем пойти к озеру?

– Хорошо, – тихо ответила Нелли.

Людвиг снял пиджак и укутал им Нелли. Она казалась себе совсем маленькой. Ее впервые целовали по-настоящему, потому что поцелуи с мальчишками-школьниками были всего лишь своеобразным ритуалом, не больше. А сейчас она была в опьянении от поцелуев, в том опьянении, в котором послушно следуют хоть на край света.

Озеро было недалеко. Если идти лугом, а не по дороге. Белая песчаная коса тянулась от берега до самой пучины – озеро было глубокое, а берега зыбкие – замшелые и поросшие мелким березняком, они почти повсюду ходили ходуном. Берега покрывал толстый дерн, под ним стояла рыжеватая вода; его можно было насквозь проткнуть палкой и не достать дна.

Валойцам песчаная коса служила пляжем, потому что только здесь не было ни ям, ни ила и можно было спокойно войти в озеро.

– Идем лугом, – сказал Людвиг.

– Хорошо...

Людвиг опять целовал ее, потом снял с нее туфли и сунул их в боковые карманы пиджака. Высокие каблуки упорно не желали влезать и торчали наружу.

Роса была студеная, трава касалась икр.

– У вас промокнут брюки, – заботливо сказала Нелли.

– У тебя!

– У тебя промокнут...

Они опять долго целовались. Можно было еще расслышать оркестр, если хорошо прислушаться.

Впереди, в долине, укрытое туманом, лежало озеро.

– Искупаемся?

Нелли покачала головой.

– А я искупаюсь.

Он опять обнял ее за плечи и повел дальше.

– Может, все-таки искупаешься?

Она опять покачала головой и села на его пиджак, который он расстелил на земле.

Когда он разделся и, большой, медлительный, неторопливо вошел в озеро навстречу темно-синим с серебристыми спинками волнам, она пожалела, что не захватила с собой купальник. Ей хотелось быть рядом с ним.

– Вот это вода! – в восторге воскликнул Людвиг и поплыл баттерфляем. Он был не из хвастливых, но тут подумал, что вряд ли кто из валойчан знает этот стиль.

Задул легкий ветер, туман поредел, и Нелли на какой-то миг увидела на взгорке сарай под серой жестяной крышей. И испугалась.

Нет, этого она не хотела. Это должно было случиться иначе. Теперь мысль работала четко и ясно. Он привел ее сюда нарочно! Как противно...

Симпатия к Людвигу таяла и готова была исчезнуть совсем.

С Ирбуленского луга доносились визг и смех: должно быть, парни закинули чью-нибудь жакетку или платок на дерево и теперь требовали выкупа.

Выйдя из воды, Людвиг быстро оделся. Наверно, ему было не очень-то тепло, руки покрылись гусиной кожей; казалось, у него вот-вот начнут стучать зубы.

– Пойдем домой, – капризно сказала Нелли. Она встала и отдала Людвигу пиджак.

– Кто же в Иванову ночь дома сидит, – возразил Людвиг.

– Наденьте пиджак, вам же холодно.

– Тебе холодно. Тебе!

Нелли ничего не ответила, но Людвиг не заметил внезапно происшедшей в ней перемены. Он опять закутал Нелли в свой пиджак.

– Лучше уж я замерзну, чем буду смотреть, как ты дрожишь. Эта твоя блузочка почти что теоретическая.

– Пойдем домой.

– Хорошо. Пошли.

Людвиг опять обнял ее плечи. Они уже повернули, чтобы идти через луг, но сделали всего лишь несколько шагов. Нелли вдруг остановилась.

Позже она оправдывалась: все, мол, случилось потому, что она так дурно подумала о Людвиге и нарочно хотела еще раз его проверить.

– Пойдем по правой стороне, через пригорок, – сказала она. – Здесь, кажется, ближе...

– Пойдем...

Она шла с опаской. Возможно, они прошли бы мимо сарая, возможно, просто не заметили бы его в тумане...

Людвиг опять начал ее целовать. Она охмелела от поцелуев, испугалась, и ей вправду захотелось домой.

– Здесь надо левее, – она схватила руку Людвиг и потянула его за собой. Она была уверена, что сарай останется справа.

– Небо посветлело, утро скоро.

– Жаль.

– Мне тоже.

Они опять обнялись.

И ни один из них не заметил, как они очутились перед входом в сарай. Большие, как ворота, двери, были сняты с петель, чтобы в сарай могли въехать возы, и стояли снаружи, прислоненные к стене. Пахло свежим сеном. Ах, господи, как может пахнуть сено!

Людвиг взял Нелли на руки.

– Нет, – тихо и покорно сказала она.

– Да.

– Нет, – попросила она.

Людвиг внес ее в сарай. Сено было теплое и мягкое.

– Не надо...

Она чувствовала его губы, его ласки, она хотела вырваться, но тут его ладони скользнули под блузку...

Когда Нелли проснулась, снаружи сияло солнце. Сквозь дверь сарая видно было синее, прозрачное мейсенского фарфора небо, в небе, словно нарисованные тушью, метались ласточки. Еще в дверь был виден угол несокошенного луга, но там не было ничего такого, на чем можно было бы задержать взгляд.

Нелли поглядела вверх. Где-то под крышей в смертном страхе пищала муха, на которую охотник-паук ухитрился накинуть свое лассо.

Людвиг спал на спине, тихо и крепко, губы были чуть приоткрыты; он дышал глубоко и ровно. Она лежала, свернувшись у него под мышкой и укрывшись его пиджаком. Нелли заметила, что грудь у нее голая, и покраснела, но надевать ничего не стала – ее охватило нечто вроде гордости от того, что теперь и у нее есть мужчина, и он имеет право смотреть на ее обнаженную грудь. И она знала, что он захочет смотреть, потому что грудь ее безупречна, однако она еще не была уверена, сможет ли выдержать этот взгляд без смущения.

Ночью он остался победителем, но теперь, утром, победительницей чувствовала себя она.

Нелли села и почти счастливым взглядом оглядела свою добычу, которая спала здоровым детским сном и вкусно сопела.

У Людвига было довольно правильное лицо, в его широких плечах чувствовалась скорее сила, чем выносливость. Нет, он не был ее идеалом, но скольким девушкам удастся встретить свой идеал? Нелли даже не слыхала, чтобы такое когда-нибудь случалось.

Идеал Нелли ходил не в готовом, а сшитом в «Балтияс модес» костюме, он был гораздо стройнее и волосы у него были темные. Словом, Элвис Пресли из Риги, Валмиеры или Цесиса. Какой должен быть характер у ее идеала, Нелли было не совсем ясно: у него должно было быть так много разных прекрасных качеств, что они просто не уместились бы в одном человеке. Он должен был быть кротким ягненком и демоном одновременно. Он должен был быть отважным рыцарем, но, в случае необходимости, – тихим и робким. Что же касается Людвига, то каждое из его качеств, которое Нелли удалось подметить, она заприходовала и разместила по воображаемым полочкам, но пока что сведений имелось слишком мало.

Больше всего Нелли не нравилось то, что волосы на затылке у Людвига были очень жидкие – она не знала, что такие волосы бывают почти у всех борцов, прозанимавшихся спортом лет пять-шесть. Еще ей не нравился поношенный выходной костюм, который даже в Валое мог называться выходным только с большой натяжкой.

Но как бы то ни было, а Людвиг принадлежал ей; она испытывала угрызения совести и счастье одновременно. В конце концов ощущение счастья одержало верх, потому что Людвиг был мужественный и веселый. Да и вообще – что теперь можно было поделать?

Внезапно утихшие было угрызения совести превратились в страх, и этот страх загнал ощущение счастья в самый далекий уголок души. Может, он уже женат? Может, у него есть дети? Он даже ничего не обещал ей. Нет, она просто несчастная дура. Дура! Что теперь будет? Она готова была расплакаться и теперь с ужасом ожидала его пробуждения.

Людвиг потянулся, открыл глаза и увидел рядом с собой взволнованную полуголую девушку, которая куталась в его пиджак и ждала, что он скажет.

– Доброе утро, – сказал он. Единственное, что может сказать человек, который начинает вспоминать вчерашнее событие и хочет выиграть время, чтобы как-то сосредоточиться.

Девушка всхлипнула.

– Почему ты плачешь, крошка? – как назло, он позабыл ее имя.

– Вы не должны были так делать...

– Ты...

Это немножко успокоило Нелли.

– Ты не должен был...

Он обнял ее дрожащее тело и притянул к себе. Она послушно подставила губы.

Самым неприятным было расставание. Происходило оно за Валоиским парком, потому что здесь Людвигу нужно было свернуть направо, а Нелли не хотела, чтобы он ее провожал.

– До вечера, – сказал Людвиг.

Нелли грустно улыбнулась. Она ощущала внутри какую-то странную пустоту. Она уже знала, что Людвиг уезжает самое позднее – послезавтра. В какие-то Дони. Он даже не сказал, что напишет ей. Все случившееся принял как само собой разумеющееся, не испытывал ни малейших угрызений совести и вовсе не чувствовал себя должником.

Не я первая так влипла, с горечью подумала Нелли. На свидание она решила не идти. Лучше уж пусть все рухнет сразу, незачем тешить себя иллюзиями.

Людвиг пришел к ней на работу незадолго до закрытия почты. Он казался озабоченным.

– Выйди-ка на минутку, – позвал он. Нелли вышла.

– Ты не сможешь прийти вечером на свидание? – спросила она. – Не стоило беспокоиться из-за этого.

– Из-за этого нет... Знаешь... Нелли, будь моей женой...

Нелли покачнулась.

– Послезавтра я получу деньги... У меня в Донях дом...

6

Прошел почти час, пока Юрис узнал адрес часового мастера. Дуршис жил в Старой Риге, неподалеку от Русского драматического театра, в невзрачном доме, бароккальный портал которого был увешан черт знает каким количеством вывесок черт знает каких учреждений. Дверь на лестницу вела из подворотни, и там тоже были вывески. И все же учреждения не заняли всего дома, и где-то на самом верху еще глухо шумели большие, неудобные и темные квартиры.

Юрису этот поход казался визитом вежливости, чем-то таким, что не имеет особого смысла, но что надо соблюсти. Личность преступника так просто не выяснишь: пока что еще не случилось найти на месте преступления его паспорт или другие документы. Конечно, бывают и исключения. Исключения подтверждают правила, но если уж смотреть с такой точки зрения, тогда нет ничего невозможного. Практики мало что могут почерпнуть из этого кладезя мудрости, а инспектор Юрис Гаранч как раз был практиком, поэтому он поднялся наверх по узкой, не очень чистой лестнице довольно неохотно. Он даже не верил, что ему пригодится фотография Дуршиса, потому что Голубовский был не тот человек, которому можно верить.

У дверей квартиры был не электрический, а простой звонок, так называемый «коровий хвост», к тому же он не работал. Дверной замок, видно, несколько раз взламывали и меняли. Это пытались скрыть – обилие косяк жестью, но неумело.

Юрис энергично постучал.

– Кто там? – спросил низкий, шепелявый голос.

– Свои!

– Сейчас!

Юрис попал в темный коридор, в другом конце которого проступали контуры шкафа и буфета. В коридоре стоял характерный запах, присущий долго не мытым и не проветривавшимся помещениям.

– Заходи на кухню.

На кухне было несколько газовых плит и разрозненная мебель – непререкаемое свидетельство того, что кухня коммунальная. В углу на белом, похожем на комод шкафчике стояли пять трехлитровых банок с бледно-желтой мутной жидкостью и кружка без ручки.

– Дернем по одной, – сказал хозяин и наполнил кружку.

У него было широкое, одутловатое лицо. Должно быть, он пал жертвой своих химических опытов: вода, плюс сахар, плюс дрожжи, плюс соответствующая температура.

– Первый сорт, – сказал хозяин, подавая Юрису кружку, – даже с перегонкой возиться незачем. Комар носа не подточит! Ну, давай!

– Будь здоров! – Юрис выпил еще не перебродившую сладковатую брагу, даже не моргнув глазом: свои-то не должны морщиться. – Продукт что надо!

– А я что говорю? Нечего возиться с перегонкой!

– Часовщик дома?

Наливая кружку для себя, хозяин покачал головой:

– Уехал.

Надо было продолжать разговор.

– Он еще употребляет? – спросил Юрис, как и полагается порядочному собутыльнику. – Давненько мы не виделись.

– Разве ж это питье? Он даже от магазинного горячего нос воротит.

– Дурак.

– Точно! Еще по одной!

– У меня внизу таратайка, – соврал Юрис.

– Еще одну можно. Я потом дам тебе парочку гвоздик, погрызешь – и порядок.

– Он не говорил, когда вернется? Может, мне взять какую полшу и зайти попозднее?

– Полшу ты не бери. Лучше возьми два крепких вермута или «Волжское». Смешаем с этим фирменным напитком и – слона наповал.

Представив, что за коктейль получится, Юрис почувствовал комок под ложечкой, который медленно поднимался вверх.

– А когда мне прийти?

– Когда хочешь. Его не будет. Сказал, чтоб раньше следующего месяца не ждали. Взял рюкзак, ружье и ушел.

– Давно?

– Шести еще не было.

Юрис встряхнулся, чтобы прийти в себя, и не придумал ничего лучшего, как сказать:

– Налей-ка еще.

– Идет!

Свинское счастье, подумал Юрис, точно свинское счастье! Он еще не мог поверить этому до конца.

Отыскав на карте «Рижского справочника» Дони, Алвис показал шоферу. Кружочек, означавший Дони, размещался наполовину на берегу Белого озера, наполовину в его водах. Шофер прибавил газу, и Алвис попросил, чтобы он выключил сигнальный свет – незачем напрасно привлекать внимание прохожих и водителей к желто-синей милицейской «Волге».

Что случилось с шофером такси? Такси 86–37 выехало из гаража примерно за сорок минут до прибытия в банк, где взяло инкассаторов. За эти сорок минут, наверно, убрали шофера. Путевка была в машине. За руль сел другой человек.

– И, спросив у дежурного милиционера, где находится Государственный банк, поехал за возделенными мешочками, – Алвис словно слышал возражение старого Конрада.

– А может, это бывший таксист, который не хуже Людвига Римши знает двор банка? – Но может, это таксист, да не бывший, а у которого сегодня выходной?

– Возможно.

– Но может, это вовсе не таксист. Может, это служащий банка, который хорошо знает тамошние условия. Или бывший служащий банка?

– Тогда у него должны быть водительские права!

– Почему? Он только должен уметь водить машину. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что администрация банка принимает на работу только таких людей, которые заслуживают доверия. Мы, сынок, должны думать иначе, мы не администрация банка. Мы не стыдимся пользоваться словами «может быть». Конечно, мы не кричим об этом громко и не пишем в стенгазете, но помним всегда. «Может быть» – прекрасные слова, без них мысли и речь стали бы намного беднее. «Может быть» формирует мозговые извилины. Мотивы преступлений так разнообразны, что все мы должны держать это «может быть» в резерве.

Шофер выключил передачу. Теперь машина шла, постепенно сбавляя скорость.

– Приехали?

– Знак был.

Метрах в двухстах впереди работники автоинспекции проверяли машины. На обочине шоссе выстроился ряд «Жигулей», «Волг» и «Москвичей». Сегодня, как оказалось, не щадили даже грузовики и автобусы. Алое солнце отражалось в лакированных крышах лимузинов, и все они казались красноватыми. Автоинспекторы в начищенных сапогах, галифе и серых форменных рубашках при галстуках прогуливались по свободной середине шоссе. Полосатыми жезлами они указывали путь, и шоферы послушно съезжали на обочину. Автоинспекторы, козырнув, получали через окошко документы и приказывали включить поворотные огни. Алвис подумал, что работникам ГАИ, наверно, уже прислали приметы преступника, но тотчас отбро-

сил эту мысль – слишком мало времени прошло с того момента, как он уехал из магазина. Минут пятнадцать, не больше.

– Ишь, как стараются, – сказал шофер.

– Наверно, вчера здесь что-нибудь случилось.

– Один включил правый поворот, но пошел на обгон и загнал того, кто ехал позади, во встречный ряд. Металлолома было столько, что пионерам и за год не сдать.

Шофер снизил скорость до минимума, готовясь свернуть на лесную дорожку, которая была отмечена на карте, но оказалось, что дорога на Дони приличной ширины и даже заасфальтирована.

Нет, преступник определенно был связан с таксомоторным парком. Он точно знал, какие машины командируются сегодня в банк, и наверняка умел водить новую «Волгу», что тоже не мелочь, потому что ему предстояло, совершив преступление, уходить на «Волге» на большой скорости. И главное – ему надо было остановить машину Римши. Вряд ли Римша остановил бы машину по просьбе незнакомого человека. Конечно, не остановил бы. Он же ехал по заказу, и возможность подхалтурить была ничтожной. От гаража до банка меньше сорока минут езды, но и сорок минут не слишком много – так выезжают почти все шоферы, чтобы спокойно пообедать и заправить машину.

Сосняк стал реже, в просветах между деревьями замелькали белобокие дачи, потом они вовсе вытеснили сосны, и возле них зеленели теперь яблони, вишни и ягодные кусты, но земля здесь была скудная, и сады выглядели поникшими.

Дачи стояли пестрые, как цветы на клумбе, все легкие, пригодные для жилья только летом. В огородиках полуголые люди разрыхляли землю, их вид и неуверенные движения говорили о том, что это всего лишь начинающие огородники. Час был поздний, и большинство занималось поливкой.

Появление милицейской машины в этом царстве покоя, тишину которого нарушал лишь треск мальчишечьих мопедов, вызвало молчаливый, но живой интерес – почти все провожали ее взглядами.

Там, где улица расширялась, образуя что-то наподобие площади, была конечная остановка автобуса доньской линии; тут стояла желтая колесная цистерна с пивом, ее окружали жаждущие мужчины. Иные, взяв кружки, устроились тут же, на травке под забором.

– Надо спросить дорогу, – предложил шофер.

– Езжай дальше...

Шофер остановил машину за следующим перекрестком. Дача рядом словно была вырезана из американского или шведского рекламного журнала. Из пропитанных олифой досок, стекла и цветного шифера было сооружено нечто, похожее на индейский вигвам – очень крутая двускатная крыша служила сразу и стенами, а торцы были застеклены. Дача просматривалась насквозь. Сейчас какая-то женщина стелила там постель, казалось, что она делает это в витрине.

Владелец дачи сидел под сосной в удобной качалке и читал газету. Из-под газеты виднелись только парусиновые штаны и сандалеты хозяина. Наверно, он был единственным здесь, кто сохранил на своем участке сосны и зеленую мураву.

– Этот покупает помидоры в магазине, – сказал шофер.

Выйдя из машины, Алвис энергично хлопнул дверцей, чтобы обратить на себя внимание хозяина.

Над газетой появились глаза, потом хозяин встал и подошел к калитке.

– Чем могу служить?

Мужчина был пожилой, стройный, в белой тенниске.

– Не подскажете ли, как найти «Людвиги»?

Хозяин минуту подумал.

– Поезжайте вперед, – сказал он. – Доньские старожилы в конце поселка. Второй раз вам этот круг делать не придется, обратно вы сможете проехать по старой дороге.

– Там живет некий Римша?

– К сожалению, не знаю.

– Римша – шофер такси.

– А-а, вот вы о ком! Мне несколько раз случалось ехать с ним сюда. Производит впечатление интеллигентного человека. Знает два иностранных языка...

Во всяком случае, это интересно, подумал Алвис.

– Простите, мы спешим...

– Извините... Поезжайте прямо. Его дом самый последний по левую сторону, дальше начинается старая дорога. Случилось что-нибудь?

– Об этом в другой раз, – Алвис улыбнулся. – До свидания!

– Почти тактичный ответ, – проворчал хозяин и пошел к своей качалке.

«Людвиги» – двухэтажный особняк – был огорожен довольно высоким забором из металлической сетки, которая крепилась на массивных бетонных столбах. Забор был недавно окрашен, местами масляная краска еще сохранила блеск.

В заборе было двое ворот. Меньшие, кованые, были размером с дверь, другие, больше, вели к хозяйственным постройкам и гаражу, который находился под домом. Они скорее походили на открывающуюся секцию забора, чем на ворота. За ними с лаем прыгала большая овчарка.

От маленьких ворот к парадному входу дома тянулась посыпанная красным тенниситом дорожка, по обе стороны которой стеной росли декоративные кусты с продолговатыми, серебристыми листьями.

Калитка оказалась закрытой, и Алвис нажал кнопку звонка, прикрепленную к столбу.

Едва он позвонил, дверь отворилась, и на крыльцо вышла женщина лет тридцати. Она была немного растрепанной, и Алвис тотчас подумал, что острый на язык милицкий шофер, оставшийся в машине, примерно так охарактеризовал бы ее:

– Могу поспорить, что она постоянно стонет насчет своей фигуры, а за ужином регулярно съедает по два куса торта.

Женщина была полнокровна, довольно вульгарно накрашена и достигла той опасной границы, когда толстой не называют только в силу привычки.

– Сейчас отопру, – сказала она мягким, приятным голосом. В руке у нее был ключ.

– Скажите, Людвиг Римша здесь живет?

– Да, конечно.

– А с кем я имею честь говорить?

– Я его жена. Нелли Римша. Входите, на улице неудобно разговаривать. Скажите пожалуйста, что случилось?

– Я из милиции, моя фамилия...

– Это я поняла по вашей машине. У мужа авария?

– Нет. Было бы лучше, если бы вы позволили спрашивать мне.

– Понимаю.

Она сдержанно и очень спокойно пригласила Алвиса в комнату. Здесь все говорило о том, что хозяева – состоятельные, пресытившиеся люди: темная полированная секционная мебель, мягкие стулья, ковер с длинным ворсом – изделия мастеров художественного салона, рюмки богемского хрусталя, на стене – то ли купленные по случаю, то ли полученные в подарок акварели.

– Пожалуйста, присаживайтесь!

– Спасибо, у меня мало времени. Скажите, пожалуйста, когда ваш муж был дома в последний раз?

- Сегодня.
- В котором часу?
- До поездки в банк.
- Вы хотите сказать, что он уехал... – Алвис растерялся.
- Он сегодня работает в вечернюю смену, а приехал из гаража перед банком.
- Почему?
- Скажите, что случилось?
- Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.
- Он взял плащ.
- Зачем? Сегодня ведь небо чистое.
- Не знаю.
- Что еще он взял?
- Не знаю. Не посмотрела. Скажите, пожалуйста...
- Вы сказали, он взял что-то еще, но вы не посмотрели, что именно.
- Утверждать я не могу. Я только слышала, как он в коридоре открывал свой шкаф с инструментами.

– Покажите мне этот шкаф!

Шкаф был встроен в стену и находился почти у самой входной двери. Охотничьи ружья холодно поблескивали в нем воронеными стволами. Рядом с ружьями висели патронташи. На полке, которая отделяла верхнюю часть шкафа, виднелись пачки патронов с большими красными номерами калибров на торцах, весы, мешочки с дробью и круглые коробки с бездымным порохом.

- Все ли ружья на месте?
- Да, все четыре.
- Вы уверены?
- Да. Три зарегистрированы, одно нет, – она показала на крайнее ружье. Алвис быстро заглянул в стволы. Нет, из этих ружей сегодня не стреляли.
- Когда он приехал, в машине был еще кто-нибудь?
- Нет.
- Вы уверены?
- Он въехал во двор. Я стояла в кухне у окна и все прекрасно видела.
- И он сказал, что приехал только за плащом?
- Он ничего не сказал, – она зло усмехнулась. – Уже недели две, как мы не разговариваем.

Нелли Римша довольно подробно описала одежду мужа, по просьбе Алвиса отыскала в альбоме фотоснимки.

- У вас есть телефон?
- Да.

Но Алвис передумал и не стал звонить Конраду. На улице шофер со скуки гонял мотор. Над калиткой дома напротив торчала голова любопытной девчонки с черными как смоль волосами. В открытое окно особняка смотрел круглолицый мужчина в очках, должно быть, ее отец.

– Гони! – Алвис прыгнул на сиденье рядом с шофером.

В тот момент, когда машина тронулась, Нелли упала на один из мягких стульев и начала всхлипывать. Всхлипывания постепенно перешли в вопли – у нее началась истерика.

Старая дорога отвлекаясь от новой неподалеку от главного перекрестка и была, условно, короче.

На шоссе автоинспекторы все еще нагоняли страх на шоферов.

- Куда едем?
- В фотолабораторию.
- Идет.

Машина стремительно набирала скорость. Асфальт свистел под шинами.

– Включи мигалку, скорее пойдем.

Шофер пробурчал что-то нечленораздельное, но над крышей замигал синий огонек, бросаая отблески на капот.

7

Есть вещи, которые можно делать только быстро, но для этого нужно быть внутренне готовым делать их, нужно созреть. Людвиг Римша созрел для женитьбы, как яблоко в сентябре. Пришла пора упасть. Потому что ему надоело таскать белье в прачечную, томиться в очередях за творогом, есть на ужин «Салаку жареную в томате», польскую колбасу, омлет и пить чай с вареньем, которое варила еще его мать. Ему опротивела тишина в большом недостроенном доме, где он жил один. Даже Джерри после смерти хозяев поспешил оставить этот мир и, наверно, лаял теперь где-нибудь на том свете, в своих «великих охотничьих угодьях». Людвигу опротивело, воротясь домой с работы, надевать тотчас грязные брезентовые штаны, нахлобучивать малярскую, сделанную из газеты шляпу, смешивать гравий с гипсом и цементом для штукатурного раствора и надрываться до поздней ночи с кельней или шпателем, как самый несчастный бедолага, – второй этаж не успели достроить, даже пол не настлали. Людвиг вполне устроило бы, если бы дом планировался без второго этажа, но труд начали много лет назад, бросить его было не так-то просто, и это гнало Людвигу вперед. Раз отец начал строить, Людвиг должен закончить, только он никак не мог понять, зачем отцу понадобился такой непомерно большой дом – это строительство заставляло отца отказываться от многого, поглощало все средства, которые можно было бы употребить для более приятных целей, отнимало часы отдыха; оно продолжало отнимать все это и у следующего поколения, но однажды его надо было закончить. Конечно, одному жить в таком доме нельзя, даже полить на спину и то некому, приходится просить соседскую девчонку, и каждый вечер он в роли просителя идет через улицу. Козиндовы дочки, бойкие девчонки лет десяти, качают воду из колонки, вдвоем нажимая на тяжелую ручку насоса, и смеются, когда он, фыркая, подлезает под струю. Может быть, эти визиты даже радуют Козинда; дом он купил готовым, в нем только кое-что надо переделать по собственному вкусу, приспособить для нужд семьи, и тут совет Людвигу и помощь материалами и инструментом неоценимы – занимаясь строительством, Людвиг стал первоклассным каменщиком, штукатуром, маляром и столяром. Он также мог показать Козинду, как разбить сад и обрабатывать его: эта славная семья делала первые шаги в сельском хозяйстве.

Балы, или, как их стали называть потом, вечера отдыха, в программу которых входил обычно один-единственный пункт – танцы, никогда особенно не привлекали Людвигу. Работа, вечерняя школа, тренировки по классической борьбе – это было до службы в армии, а вернувшись из армии, он стал помогать отцу строить дом.

До службы Людвиг стеснялся девушек, а после армии он поступил электриком на фабрику, где вокруг были одни женщины. Здесь его быстро перевоспитали: из стыдливой парня он превратился в довольно-таки бесстыжего. Людвиг был именно в том возрасте, когда женятся, потому многие девушки и разведенки, которым опять не терпелось замуж, поспешили выставить свои кандидатуры. Каждая делала это по-своему, но все – интересно и с выдумкой, из-за того Людвиг и не женился, хотя несколько раз собирался было всерьез. На середине третьего десятка он охладел к «кандидаткам», через год они охладели к нему, и Людвиг был исключен из числа тех, кем имеет смысл заниматься, потому что все равно он не жених. Иногда он ухаживал за какой-нибудь замужней женщиной, но подпольные поцелуи не приводили женщин в восторг, и он начал испытывать к своим коллегам нечто вроде ненависти: ему казалось, будто его обидели. И Людвигу захотелось сделать им в отместку что-нибудь неприятное, к тому же такое, что вызовет удивление. Но подходящего случая не представлялось, и всю свою ненависть он обратил против дома. Он закончит его еще нынче! Будет вкалывать ночи напролет! И тут, по счастливой случайности, он встретил своего бывшего соседа Стигу, который теперь работал директором какого-то совхоза в Валое, и там надо было перемотать электромоторы. Он согласился заключить договор с Людвигом. Людвиг посчитал, что на деньги, которые он зара-

ботает, перематывая электромоторы, можно будет нанять двух штукатуров и одного рабочего настлать полы. А если он сам будет работать вместе с ними, дом можно закончить к сентябрю. Он взял отпуск. Сложил в чемодан инструмент. Надел свой самый лучший костюм – вообще-то гардероб его был в плачевном состоянии: избалованный прекрасным полом и обворованный собственным домом, он перестал заботиться о своей одежде. И сел в автобус, чтобы выйти в Валое и спросить у первого попавшегося, где найти директора Стигу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.